

УДК 343.13

Т.К. Рябина*

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ ДИСКУССИИ О ВВЕДЕНИИ ФИГУРЫ СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ ИЛИ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ

Оценивая ход судебно-правовых реформ XIX и конца XX веков и внедрение их положений в жизнь, следует вспомнить об удивительной повторяемости истории. Дело в том, что обе реформы, несмотря на очевидные успехи, позволяющие их назвать движением вперед или, по крайней мере, не признать безрезультатными или ошибочными, столкнулись с самого начала набиравшим силу противодействием. Основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений судебно-правовой реформы и тогда, и сегодня является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам. В целом же следует признать, что Судебные Уставы 1864 года оказались куда более продуктивными с точки зрения совершения процессуальной революции в отечественном уголовном судопроизводстве, нежели реформа конца XX – начала XXI века. Создается стойкое убеждение, что проведенные в самодержавной России преобразования оставили нам процессуальное наследие «на века», а вот новеллы Уголовно-процессуального кодекса России 2001 года могут не прожить и несколько десятилетий.

Связано это с тем, что при всех недостатках и компромиссных решениях, которых нельзя было избежать в ходе подготовки и утверждения Судебных Уставов, у реформы 1864 года была стройная логическая структура, суть которой – уголовное преследование организационно не может корректировать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, но объективного и беспристрастного, которому можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение объективной истины по делу. При этом ему не мешают чрезмерные формально-юридические барьеры в процессе доказывания или в системе стадий уголовного процесса. Современный же уголовный процесс, будучи результатом реформы 90-х годов XX века, как раз прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, судебный следователь, следственный судья.

Принятый в 2001 г. УПК РФ продемонстрировал приверженность России институтам правового государства, признав наконец-то важнейшие принципы уголовного судопроизводства, еще ранее получившие конституционное закрепление, и существенно обновив в духе нового назначения судебные стадии уголовного процесса. На фоне этого предварительное расследование вновь осталось без существенных, концептуальных изменений, не считая отдельных процедурных моментов. Уже после принятия УПК РФ из всех серьезных изменений, которым подверглась эта стадия, можно отметить лишь выведение следственного аппарата из подведомственности прокуратуры, создание Следственного комитета, введение такого участника уголовного судопроизводства, как руководитель следственного

органа, и сокращение полномочий прокурора по отношению к предварительному следствию. В незначительной степени была подкорректирована процедура осуществления дознания, появилось дознание в сокращенной форме. Внесены изменения в правовое регулирование процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Но структура предварительного расследования в целом осталась прежней.

Поэтому на сегодняшний день вряд ли можно найти более дискуссионный в научной среде вопрос, чем вопрос дальнейшего реформирования досудебного производства. Острота и злободневность научной полемики обусловлена критическим обсуждением целого ряда проблем: о дальнейшей дифференциации досудебного производства; о возможности ликвидации стадии воз-

* © Рябина Т.К., 2017

Рябина Татьяна Кимовна (tatyankimovna-r@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

буждения уголовного дела; о функциях, осуществляемых органами дознания и следствия, и, соответственно, об общности и различии их процессуальной деятельности; об отделении дознания от предварительного следствия; о создании единого следственного комитета; о возвращении института судебного следователя или введении фигуры следственного судьи; о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве; о более рациональном распределении полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; о возможности выделения категории уголовного проступка. Обсуждаемые вопросы настолько разноплановы, что порой их трудно свести в какую-то единую строгую логичную систему, что характерно и для самого реформирования как в целом российского уголовного судопроизводства, так и отдельных его стадий, прежде всего предварительного расследования [1, с. 10–13].

Реформирование уголовного судопроизводства началось задолго до принятия УПК РФ — Концепция судебной реформы в Российской Федерации, провозгласившая основные направления реформы уголовного процесса [2], вдохновила законодателя на кардинальные изменения уголовно-процессуального закона. Однако, как и в 1864 г., современная судебная реформа проходит непростой, тернистый путь. Совершенно справедливо А.И. Трусов еще на начальном этапе судебной реформы отметил ее противоречивость и непоследовательность, заключающуюся в том, что «капитальный ремонт» уголовной юстиции начат с ее «крыши», т. е. со «стадии судебного разбирательства и с других судебных стадий, тогда как следовало бы его начать, скорее всего, с «фундамента», т. е. с предварительного производства, где закладываются основы уголовного дела и где у нас больше всего накопилось устаревшего, отжившего, давно уже пришедшего в вопиющее противоречие с жизнью» [3, с. 58–59]. Удивительно, но за столько лет мало что изменилось. Следует признать, что за более чем 25-летний срок четкой государственной политики в этой сфере так и не выработано, концепция дальнейшего развития досудебного производства отсутствует. Все последние реформы, начиная с 2007 года, которые и реформами-то назвать трудно, осуществлялись фрагментарно, бессистемно, противоречиво.

Прежде всего должны быть определены ориентиры дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Имеющаяся нормативная модель является моделью переходной (промежуточной). В ней есть как черты, свидетельствующие о ее тяготении к процессуальной форме советского периода, так и новеллы, вокруг которых может выкристаллизироваться принципиально иное судопроизводство. К числу первых следует отнести сохраненную систему стадий с чрезмерно развернутым досудебным производством, в котором господствует инквизиционное начало. В качестве предтечи нового следует рассматривать закрепление социального назначения уголовного процесса, систему принципов, его развивающих, институт предварительного судебного контроля, укрепление института обжалования и т. п. [4, с. 61–66].

Чтобы понять, почему «пробуксовывает» реформирование предварительного расследования, нельзя не обратиться к работам известнейшего процессуалиста, внесшего неоценимый вклад в развитие российской уголовно-процессуальной науки, — Семена Абрамовича Шейфера, ушедшего от нас в 2017 году. Трудно назвать ту сферу уголовного судопроизводства, которой бы он ни коснулся в своих трудах, ту проблему, которую бы он обошел своим вниманием. Его рассуждения, споры, предложения, обращение к историческому и зарубежному опыту в правовом регулировании многих сторон уголовно-процессуальной деятельности были, есть и будут интересны, актуальны, полезны для ученых, практиков, молодых исследователей, причем как сторонников его идей, так и противников, хотя трудно представить, чтобы Семен Абрамович не убедил бы кого-то в своей правоте.

Особый интерес представляют исторические аспекты исследования С.А. Шейфером досудебного производства в России [5, с. 174–178; 6, с. 111–119]. Отмечая ценность исторических правовых источников, он тем не менее не призывал в целях совершенствования современного предварительного расследования слепо копировать исторические модели российского досудебного производства. Он писал, что «к реформированию следствия необходим осторожный подход, ибо... абсолютно идеальных механизмов предварительного расследования создать невозможно, поскольку каждая система расследования имеет свои, внутренне присущие ей достоинства и недостатки» [7, с. 199].

Что же касается современного реформирования российского уголовного судопроизводства, то С.А. Шейфер постоянно отмечал, что реформа предварительного следствия представляется незавершенной, в разрешении нуждаются основные, на его взгляд, проблемы, касающиеся функций прокурора, следователя, руководителя следственного органа и более точного урегулирования взаимоотношений этих должностных лиц; наделяния следователя подлинной независимостью и самостоятельностью, для чего необходимо введение процессуальной фигуры судебного следователя или следственного судьи как участника процесса, не обремененного обвинительной функцией [8, с. 31–34; 9, с. 5–13; 10, с. 34–36; 11, с. 322–328; 12, с. 16–20; 13, с. 8–15].

Действительно, современное реформирование предварительного расследования фактически свелось к тому, что следователь отнесен к стороне обвинения, но при этом в целях обеспечения его независимости и самостоятельности он, насколько возможно, был дистанцирован от прокурора, осуществляющего тем не менее в отношении предварительного следствия надзор за законностью его осуществления. Едино ли у них задачи, в одном ли направлении они должны действовать, в одинаковой ли мере отвечать за состояние преступности в стране, раскрываемость преступлений и качество расследования — споры продолжаются. На извечный вопрос «что делать?» множество ответов и

предложений, а должна быть уже давно выработана государственная концепция.

Из ведения прокуратуры выведен следственный аппарат и создан Следственный комитет РФ. В перспективе — создание единого следственного комитета, некоего «монстра» в системе правоохранительных органов. Однако полемика о его создании то утихает, то вновь оживляется, подталкивая законодателя к регулярному внесению каких-либо изменений и дополнений в правовое регулирование досудебного производства во избежание серьезных реформ.

Наше видение решения этой проблемы состоит в том, что в основу современного реформирования российского досудебного производства можно положить идеи, заложенные еще российской судебной реформой XIX века, а также современные зарубежные модели досудебного производства, сводящиеся к делению досудебного производства на полицейское дознание, руководимое прокуратурой (поэтому часто называемое прокурорским) и находящееся под контролем суда, и предварительное следствие, осуществляемое представителями судебной власти — судебными следователями или следственными судьями. Принимая робкие попытки законодателя поставить следователя на более высокий, независимый, пьедестал, лишив его прокурорской опеки, нельзя принять совершенно не согласующуюся ни с принципом разделения властей, ни с принципом состязательности предложенную регламентацию правового положения следователя в уголовном процессе как субъекта обвинения. Независимый статус следователь может получить, если предварительное следствие будет освобождено от выполнения функции уголовного преследования. Основным его предназначением должно стать расследование — исследование обстоятельств совершенного преступления, проведенное всесторонне, полно и объективно. А обеспечить такое независимое и объективное исследование может только суд [14, с. 19].

Не вызывает никаких сомнений, что «предварительное и судебное следствие концептуально имеют общую природу, являясь частями единой функции разрешения дела» [15, с. 10–11], поэтому предварительное следствие осуществляться может только представителями судебной власти, и сторонников такой позиции становится все больше [16, с. 3; 17, с. 44; 18, с. 38], и среди них прежде всего следует выделить С.А. Шейфера [10, с. 34–36]. Соответственно, функция уголовного преследования должна быть возложена на органы дознания.

Положение о тесной взаимосвязи предварительного и судебного следствия глубоко развивается в современной уголовно-процессуальной теории. Так, А.И. Трусов, исследуя данный вопрос, отмечает, что наши нынешние следователи, являясь органами прокурорско-полицейских структур, осуществляют отнюдь не предварительное судебное, но фактически прокурорско-полицейское расследование, в отличие от судебных следователей XIX века, которые считались и по своему правовому статусу действи-

тельно являлись судебными деятелями, призванными осуществлять хотя и предварительное, однако не прокурорско-полицейское, а именно судебное исследование обстоятельств дела по наиболее сложным и важным уголовным делам, для чего им стремились обеспечить процессуальную независимость и самостоятельность практически такую же, как и судье. В правовом государстве, как совершенно справедливо далее пишет А.И. Трусов, гарантии прав и свобод человека от произвола властей могут быть обеспечены созданием «удвоенных» судебных гарантий, для чего необходимо не только окончательное, но и предварительное исследование обстоятельств преступления сделать судебным [3, с. 62–63].

В развитие этой же мысли Ю. Деричев отмечает, что по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном тождестве их назначения, в связи с чем предварительное следствие есть функция юстиции, а следователь должен рассматриваться как ее представитель и находиться при суде. Любое иное построение следственного аппарата так или иначе ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов ведомств, которые он представляет. Принадлежность к судебной власти, а также ее отделение от власти административной не только обеспечивает процессуальную самостоятельность следователя, но и является подлинной предпосылкой вынесения законного, объективно и справедливого приговора [19, с. 82].

По мнению С.А. Шейфера, в целях последовательного обеспечения самостоятельности следователя необходимо причислить его к судебной власти, придав предварительному следствию характер предварительного судебного исследования с возложением этой функции на судебного следователя или следственного судью, который в результате станет, как и в прежние времена, носителем следственно-судебной власти, значительно отдаленной от уголовного преследования [7, с. 208].

Здесь невольно возникают параллели с моделями досудебного производства пореформенного российского уголовного судопроизводства XIX века, а также англосаксонской и континентальной правовых систем, поскольку все больше современных отечественных авторов призывают законодателя использовать эти модели в российском уголовном судопроизводстве. А поскольку такие модели в своем большинстве предусматривают такую упрощенную форму досудебного производства, как дознание, то проводить реформы предварительного расследования, не затрагивая дознания, невозможно.

И.Я. Фойницкий отмечал, что предварительное следствие «...как деятельность судебная требует вдумчивости и всесторонних соображений; здесь нежелательна медленность, но и излишняя быстрота скорее может вредить ему, чем приносить пользу; важнейшее качество, обеспечивающее его успех, — спокойствие и сдержанность», в дознании, «наоборот, все зависит от находчивости и натиска, от

инициативы и быстроты исполнения [20, с. 379]... поэтому дознание может быть вверено полицейским органам, а предварительное следствие носит на себе характер судебной деятельности и вверяется органам судебным» [20, с. 387].

Современные зарубежные модели досудебного производства также в своей основе имеют деление предварительного расследования на полицейское дознание, руководимое прокуратурой (поэтому часто называемое прокурорским) и находящееся под контролем суда, и предварительное следствие, осуществляемое представителями судебной власти — судебными следователями или следственными судьями. По сути, в настоящее время нет строгого различия между англосаксонской и континентальной моделями в правовом регулировании предварительного расследования. Для нас больше представляет интерес система, установленная во Франции и ФРГ, хотя в ФРГ в настоящее время вместо производства предварительного следствия переходят к системе обращения прокурора к судьям с требованием провести допросы и другие действия.

Некоторые авторы предпочитают англосаксонский вариант регулирования расследования, основанный на доктрине о том, что уголовное преследование носит характер искового производства, поэтому полицейское расследование заканчивается обращением в суд либо с заявлением об обвинении, либо за получением ордера на арест, что, по сути, равнозначно возбуждению уголовного преследования в отношении конкретного лица. Затем следует этап предварительного судебного рассмотрения дела, на котором происходит предъявление первоначального обвинения и принимается решение по вопросу о предании обвиняемого суду, который завершается процедурой раскрытия доказательств [21, с. 13].

Не случайно была разработана альтернативная «Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ» Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициатив совместно с фондом «ИНДЕМ», предлагающая радикальную реформу предварительного расследования путем ликвидации Следственного комитета России, и даже более того — отказа от следственного способа подготовки материалов обвинения, подлежащего формулированию и выдвигению прокурором против обвиняемого в суде, а также создания полицейского дознания в виде федеральной криминальной полиции [22, с. 20–24].

Наряду с этим высказанная в Концепции судебной реформы идея о введении фигуры следственного судьи [2, с. 67] была подхвачена целым рядом ученых, искавших новые пути преобразования уголовного судопроизводства в сторону усиления контроля суда над досудебным производством в целях недопущения нарушений прав и законных инте-

ресов участников процесса, а в случае выявления таких нарушений в результате обжалования незаконных действий и решений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, — их восстановления, а также обеспечения законности получения доказательств, предоставления стороне защиты реальных возможностей для участия в собирании доказательств и т. д. Именно следственный судья, по идее реформаторов, и должен осуществлять подобные полномочия, которые, по сути, раскрывают содержание функции судебного контроля [23, с. 15–20; 24, с. 31–36; 25, с. 16–27]. Однако по поводу таких предложений разгорелась острая дискуссия, разделившая ученых на два лагеря — сторонников и противников введения института следственного судьи. Ярким примером противоборства в этом вопросе является научная полемика между А.В. Смирновым и Л.В. Головкин [26, с. 200–213].

Изучая вопрос о необходимости введения в российский уголовный процесс фигуры судебного следователя или следственного судьи, следует отличать как терминологически, так и по функциональному назначению правовой статус следственного судьи от судебного следователя: предполагается, что судебный следователь, состоящий при судебном ведомстве, должен осуществлять предварительное следствие, а следственный судья — исключительно функцию судебного контроля за законностью проведения предварительного следствия, причем как непосредственно в ходе досудебного производства, так и путем проведения предварительного слушания при передаче уголовного дела в суд. Наряду с этим следственному судье в целях усиления контрольных полномочий суда за результатами предварительного расследования предлагается передать и полномочие по принятию решения о направлении уголовного дела в суд и проведению предварительного слушания [27, с. 211; 28, с. 181; 29, с. 190; 30, с. 9].

Судебный контроль должен заменить прокурорский надзор за расследованием, но за прокуратурой сохранятся функции прокурорского руководства следствием [2, с. 63–67]. Исследованием данного вопроса серьезным образом занимался С.А. Шейфер. По его мнению, фигура следственного судьи (судебного следователя) рассматривается в контексте замены следователя как представителя стороны обвинения на независимого и самостоятельного субъекта, каковым может быть только представитель судебной власти, отвечающий не за результаты раскрытия, расследования и привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, а за беспристрастное, объективное, всестороннее расследование обстоятельств совершенного преступления [8, с. 31–34; 10, с. 34–36; 6, с. 111–120; 13, с. 8–15]. Нельзя не заметить при этом, что идеи о выведении следователя из числа участников процесса на стороне обвинения и придании ему статуса судебного следователя высказывались еще до принятия УПК РФ [31].

Подытоживая наше исследование, можно прийти к следующим выводам:

1. Полностью следует согласиться с С.А. Шейфером в том, что реформирование предварительного следствия немислимо без изменения нынешнего статуса следователя, заключающегося в исключении его из числа участников процесса на стороне обвинения и ограничении его деятельности исследовательской функцией [7, с. 207].

2. Перед реформаторами уголовного судопроизводства стоит сложная задача, в каком направлении идти дальше. Есть три варианта: 1) оставить все по-прежнему, внося по мере необходимости определенные коррективы в правовое регулирование стадии предварительного расследования и, соответственно, в правовой статус следователя; 2) создать единый Следственный комитет, оставив следователя на стороне обвинения, но создав при этом гарантии его независимости как от прокурора, так и от руководителя следственного органа; 3) ввести фигуру судебного следователя или следственного судьи, перестроив, таким образом, не только все досудебное производство, но и переориентировав психологию судей, прокуроров, следователей, руководителей следственных органов на выполнение непривычных для них полномочий.

3. В любом случае необходимо проведение полномасштабных исследований по необходимости и эффективности дальнейшего реформирования досудебного производства, по выработке государственной концепции в этом направлении с учетом финансовых, организационных, законодательских затрат.

Библиографический список

1. Рябина Т.К., Козьявн А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. 2009. № 21. С. 10–13.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / под ред. С.А. Пашина. М.: Республика, 1992. 111 с.
3. Трусов А.И. Уголовный процесс в системе разделения властей // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1994. № 5. С. 54–63.
4. Манова Н.С. Предварительное следствие: идеи и новые законодательные реалии // Государство и право. 2003. № 2. С. 61–66.
5. Шейфер С.А. Кто осуществляет уголовное преследование на досудебном производстве? // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. Томск, 2009. С. 174–178.
6. Шейфер С.А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. С. 111–119.
7. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2012. 476 с.
8. Шейфер С., Бобров А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 31–34.
9. Шейфер С.А., Бобров А.В. Процессуальные и организационные проблемы совершенствования деятельности следственного аппарата (по материалам опроса сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов) // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 5–13.
10. Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь или преследователь // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.
11. Шейфер С.А. Новеллы УПК РФ – новые проблемы! // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. С. 322–328.
12. Шейфер С.А., Борисов С.А. О самоидентификации следователей как участников уголовного процесса // Российский следователь. 2011. № 17. С. 16–20.
13. Шейфер С.А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8–15.
14. Рябина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 17–21.
15. Гуськова А.П., Емельянов В.А., Славгородских А.А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России // Российский судья. 2008. № 4. С. 9–11.
16. Гуляев А.П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Российский следователь. 2012. № 11. С. 2–4.
17. Смирнов А.В. Современные проблемы следственной власти в России // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 41–48.
18. Александров А.И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1. С. 33–40.
19. Дерисhev Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 81–83.
20. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1915. Т. 2. 607 с.
21. Корниенко В.Т. Предварительное следствие и состязательный судебный процесс в Российской Федерации. Конфликт интересов // Российский судья. 2008. № 4. С. 11–14.
22. Александров А.С., Поздняков М.Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 20–24.
23. Ковтун Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5. С. 15–20.
24. Ковтун Н.Н., Бухранова Т.С. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Российский следователь. 2011. № 17. С. 31–36.
25. Белкин А.Р. Следственный СУДЬЯ или СЛЕДСТВЕННЫЙ судья? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 16–27.
26. Рябина Т.К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200–213.
27. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб.: Издательство: Юрид. центр Пресс, 2003. 323 с.
28. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК «Велби», 2003. 720 с.

29. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. 47 с.

30. Муратова Н.Г. Предварительное слушание в системе судебного надзора по уголовным делам // Российский судья. 2004. № 8. С. 8–9.

31. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М.М. Гродзинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.

References

1. Ryabinina, T. K., Kozyavin, A. A. Systemic contradictions of the preliminary investigation and ways of their solution. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2009, no. 21, pp. 10–13 [in Russian].

2. Kontseptsiiia sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii. Pod red. S.A. Pashina [The concept of judicial reform in the Russian Federation. S.A. Pashin (Ed.)]. M.: Respublika, 1992, 111 p. [in Russian].

3. Trusov A.I. Ugolovnyi protsess v sisteme razdeleniia vlastei [Criminal process in the system of separation of powers]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo [The Moscow University Herald. Series 11. Law], 1994, no. 5, pp. 54–63 [in Russian].

4. Manova N.S. Predvaritel'noe sledstvie: idei i novye zakonodatel'nye realii [Preliminary investigation: ideas and new legislative realities]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 2003, no. 2, pp. 61–66 [in Russian].

5. Sheifer S.A. Kto osushchestvliayet ugolovnoe presledovanie na dosudebnom proizvodstve? [Who exercises criminal prosecution at pre-trial?]. In Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti. Pod redaktsiei S.A. Eliseeva, M.K. Sviridova, R.L. Akhmedshina [Legal problems of strengthening Russian statehood. S.A. Eliseev, M.K. Sviridov, R.L. Ahmedshin (Eds.)]. Tomsk, 2009, pp. 174–178 [in Russian].

6. Sheifer S.A. Sledstvennaia vlast': istoriia i sovremennost' [Investigative power: history and modernity]. In: Ugolovnaia iustitsiia: sviaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6–8 oktiabria 2010 goda [Criminal justice: the link of times. Selected materials of the international research conference. Saint-Petersburg, October, 6–8, 2010]. M.: ZAO «Aktion-Media», 2012, pp. 111–119 [in Russian].

7. Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnyk dlia magistrrov. Pod red. V.A. Lazarevoi, A.A. Tarasova [Law of criminal procedure. Actual problems of theory and practice: textbook for Masters. V.A. Lazareva, A.A. Tarasova (Ed.)]. M.: Izdatel'stvo Iurait, 2012, 476 p. [in Russian].

8. Sheifer S., Bobrov A. Protsessual'naia samostoiatel'nost' sledovatel'ia: mnenie praktikov [Procedural independence of an investigator: opinion of practitioners]. Zakonnost' [Legality], 2006, no. 5, pp. 31–34 [in Russian].

9. Sheifer S.A., Bobrov A.V. Protsessual'nye i organizatsionnye problemy sovershenstvovaniia deiatel'nosti sledstvennogo apparata (po materialam oprosa sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, sudei i advokatov) [Procedural and organizational problems of

improvement of activity of the investigative apparatus (according to the survey of law enforcement officers, judges and lawyers)]. Iuridicheskii analiticheskii zhurnal [Juridical analytical magazine], 2006, no. 1, pp. 5–13 [in Russian].

10. Sheifer S.A. Rossiiskii sledovatel' – issledovatel' ili presledovatel' [Russian investigator – researcher or persecutor]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2010, no. 11, pp. 34–36 [in Russian].

11. Shafer S.A. Novelty UPK RF – novye problemy! [Novels of the Code of Criminal Procedure – new issues!]. In: Aktual'nye problemy sovremennogo ugovnogo protsessa Rossii: mezhdvuz. sb. nauchnykh trudov. Pod red. prof. V.A. Lazarevoi [Actual problems of modern criminal process of Russia: interacademic collection of scientific works. V.A. Lazareva (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Samskii universitet», 2010, pp. 322–328 [in Russian].

12. Sheifer S.A., Borisov S.A. O samoidentifikatsii sledovatelei kak uchastnikov ugovnogo protsessa [On the self-identity of investigators as participants in criminal proceedings]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2011, no. 17, pp. 16–20 [in Russian].

13. Sheifer S.A. Otechestvennoe predvaritel'noe sledstvie: uprazdnit' ili usovershenstvovat'? [Domestic preliminary investigation: to abolish or to improve?]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Judicial Proceeding], 2015, no. 3, pp. 8–15 [in Russian].

14. Ryabinina T.K. Sledstvennyi komitet ili sudebnyi sledovatel'? [Investigative Committee or a court investigator?]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Judicial Proceeding], 2011, no. 1, pp. 17–21 [in Russian].

15. Guskova A.P., Emelyanov V.A., Slavgorodskaya A.A. Problemnye voprosy reformirovaniia dosudebnogo proizvodstva Rossii [Problematic issues of reforming the pre-trial production of Russia]. Rossiiskii sud'ia [Russian Judge], 2008, no. 4, pp. 9–11 [in Russian].

16. Gulyaev A.P. Kontseptsiiia reformirovaniia predvaritel'noego rassledovaniia prestupleniia [The concept of reforming preliminary investigation of crimes]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2012, no. 11, pp. 2–4 [in Russian].

17. Smimov A.V. Sovremennye problemy sledstvennoi vlasti v Rossii [Modern problems of the investigative authorities in Russia]. Ugolovnyi protsess [Criminal Process], 2009, no. 12, pp. 41–48 [in Russian].

18. Aleksandrov A.I. Problemy organizatsii predvaritel'noego sledstviia v Rossiiskoi Federatsii: napravlenie reformirovaniia [Problems of preliminary investigation in the Russian Federation: direction of reforming]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2011, no. 1, pp. 33–40 [in Russian].

19. Derishev Yu. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: problemy i puti reformirovaniia [Criminal pre-trial proceedings: problems and ways of reforming]. Ugolovnoe pravo [Ugolovnoye Pravo Journal], 2005, no. 1, pp. 81–83 [in Russian].

20. Foinitsky I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [Course of criminal proceedings]. SPb., 1915, Vol. 2, 607 p. [in Russian]

21. Korniyenko V.T. Predvaritel'noe sledstvie i sostiazatel'nyi sudebnyi protsess v Rossiiskoi Federatsii. Konflikt interesov [Preliminary investigation and adversarial judicial process in the Russian Federation. Conflict of interest]. Rossiiskii sud'ia [Russian Judge], 2008, no. 4, pp. 11–14 [in Russian].

22. Alexandrov A.S., Pozdnyakov M.L. Kakim ne stat' Sledstvennomu komitetu Rossii k 2017 g. [What the Investigative Committee of Russia shouldn't become by 2017]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Judicial Proceeding], 2014, no. 1, pp. 20–24 [in Russian].

23. Kovtun N.N. O poniatii i soderzhanii termina «sudebnyi sledovatel'» (sledstvennyi sud'ia) [On the concept and content of the term «judicial investigator» (investigating judge)]. Rossiiskii sud'ia [Russian Judge], 2010, no. 5, pp. 15–20 [in Russian].

24. Kovtun N.N., Bukhranova T.S. Institut sudebnogo sledovatelya i spetsializirovannogo sledstvennogo sud'i v kontekste opyta stran kontinental'noi sistemy prava [Institute of forensic investigator and specialized investigating judge in the context of the experience of the countries of continental system of law]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2011, no. 17, pp. 31–36 [in Russian].

25. Belkin A.R. Sledstvennyi SUD'ia ili SLEDSTVENNYI sud'ia? [Investigative JUDGE or the INVESTIGATIVE judge?]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Judicial Proceeding], 2015, no. 3, pp. 16–27 [in Russian].

26. Ryabinina T.K. Neobkhodim li rossiiskomu ugolovnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i? [On whether the Russian Criminal Procedure requires institute of investigating judge?]. Lex Russica (Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii imeni O.E. Kutafina) [Lex Russica Journal], 2017, no. 12 (133), pp. 200–213 [in Russian].

27. Nazarov A.D. Vlianie sledstvennykh oshibok na oshibki suda [Influence of investigative errors on the errors of the court]. SPb: Izdatel'stvo: Iurid. tsentr Press, 2003, 323 p. [in Russian].

28. Sudebnaia vlast.' Pod red. I.L. Petrukhina [Judiciary. I.L. Petrukhin (Ed.)]. M.: OOO «TK «Velbi», 2003, 720 p. [in Russian].

29. Muratova N.G. Sistema sudebnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniia i praktiki: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora iuridicheskikh nauk [System of judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legal regulation and practice: author's abstract of Doctor's of Law thesis]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'ianova-Lenina, 2004, 47 p. [in Russian].

30. Muratova N.G. Predvaritel'noe slushanie v sisteme sudebnogo nadzora po ugolovnym delam [Preliminary hearing in the system of judicial review on criminal cases]. Rossiiskii sud'ia [Russian Judge], 2004, no. 8, pp. 8–9 [in Russian].

31. Strogovich M.S. Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom protsesse. Otv. red.: Grodzinskii M.M. [Criminal prosecution in the Soviet criminal process. Grodzynsky M.M. (Ed.)]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951, 191 p. [in Russian].

*T.K. Ryabinina**

PROBLEMS OF REFORMING THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF DISCUSSIONS ON THE INTRODUCTION OF THE FIGURE OF THE JUDICIAL THE INVESTIGATOR OR THE INVESTIGATING JUDGE

The course of judicial reforms of the nineteenth and late twentieth centuries and the introduction of their provisions in life, we should remember about the amazing repetition of history. The fact that both reforms, despite the obvious successes, to be called moving forward, or at least not admit to inconclusive or erroneous, faced from the start the fledgling opposition. The main argument in favour of derogations from the key provisions of judicial reform and then today is the mismatch of new procedural forms mentality of the Russian nation, its legal traditions and a particular historical moment and its national objectives. In General it should be recognized that the Judicial Statutes of 1864 were much more productive from the point of view of the procedural achievements of the revolution in domestic criminal proceedings, rather than reform of late XX – early XXI centuries. It creates a strong belief that you held in the autocratic Russia of the conversion procedure left us the legacy of "forever" but the novels of the Criminal procedural code of Russia of 2001 can not live for several decades.

This is due to the fact that with all the shortcomings and trade-offs which cannot be avoided during the preparation and approval of legal regulations, the reform of 1864 was a coherent logical structure, the essence of which is the prosecution of organizational may not adjust an objective knowledge of the circumstances of the offense and affect the power of the judiciary. Hence the Institute of the judicial investigator, albeit with a certain cost, but objective and impartial, you can trust the goal of the criminal process, as the achievement of objective truth. They prevent excessive formal legal barriers in the course of evidence or in the system stages of the criminal process. Modern criminal procedure as a result of the reform 90-ies of XX century, just passed for a model of inconsistency, eclecticism and inconsistent implementation of ideas of the concept of "criminal complaint" in the traditional (pre-revolutionary times) the fabric of criminal procedure aimed at achieving the objective truth. As a result, democratic principles consistent with this concept, hopelessly bogged down in the old structure pre-trial and criminal procedure proof.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, judicial investigator, the investigative judge.

* *Ryabinina Tatyana Kimovna* (tatyankimovna-r@yandex.ru), Department of the Criminal Process and Criminalistics, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Street, Kursk, 305040, Russian Federation.